

«УЗНАВАТЬ ИЛИ ВИДЕТЬ»¹

*Интервью с Алексеем Алексеевичем Грякаловым, доктором философских наук,
профессором Института философии человека Российского государственного педагогического
университета имени А. И. Герцена*

DOI: 10.15372/PEMW20160416

Для цитаты: Грякалов А. А. «Узнавать или видеть». Интервью, данное А. П. Козыреву // Профессиональное образование в современном мире. 2016. № 4. С. 682–692.
DOI: 10.15372/PEMW20160416.

DOI: 10.15372/PEMW20160416

For quote: Griakalov A.A. [“To know or to see?” Interview for A.P. Kozyrev]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2016, vol. 6, no.4. pp. 682–692.
DOI: 10.15372/PEMW20160416

Алексей Павлович Козырев. Как сегодня у Вас на факультете учитываются наукометрические показатели? Зависит ли ваша зарплата от того, как много вы печатаетесь и в каких изданиях вы публикуетесь?

Алексей Алексеевич Грякалов. Я хочу сказать, прежде всего, что РГПУ имени Герцена в Санкт-Петербурге это единственное учебное педагогическое заведение в стране, где есть Факультет философии человека, с 1 марта преобразованный в Институт философии человека. И когда мы его создавали, то хотели создать такую институцию в педагогическом университете, которая давала бы возможность предельно объемного междисциплинарного взгляда, в том числе, конечно, и на педагогику. С самого начала мы активно занимаемся философией образования, а сейчас – глубоко укорененной в отечественной традиции педагогической антропологией. Ведь реально дело обстояло так, по ряду позиций и сегодня это сохранилось, что философские и педагогические исследования существовали как бы на параллельных курсах. Нам хотелось сблизить философию и педагогику при взаимном усилении позиций. Но реально это далеко не всегда получается. У нас хорошие отношения с коллегами, мы совместно работаем на конференциях и в советах, но постоянный диалог есть не всегда. Что же касается публикаций и наукометрических показателей, а также влияния их на наше существование, в том числе материального, то здесь нужно отметить два момента. Во-первых, в Университете каждый год проводится конкурс личных

¹ Интервью, опубликовано в журнале «Сократ» № 1. 2016. Публикуется с разрешения автора.

достижений, при участии в конкурсе учитываются публикации в WoS, Scopus, наличие монографий. Поскольку мы в педагогическом университете, то очень важны такие показатели, как наличие электронных версий методических пособий и т.д. Это, конечно, важно. Другое дело, что научиться философскому пониманию можно только в живом диалоге.

А. К. А этот конкурс дает что?

А. Г. Моя книга «Письмо и событие» получила диплом 1-й степени, это было уже более 10 лет назад. Потом стали активно говорить о том, что будут учитываться наукометрические показатели для выстраивания научной и педагогической иерархии, но я как-то на себе это не очень почувствовал, хотя у меня есть публикации в «Вопросах философии», в китайском журнале, который входит в Скопус, вышли публикации, много публикаций и переводов за рубежом – в Сербии, в Китае, в Корее. В Университете за процессом публикаций достаточно внимательно следят. В библиотеке есть специальный отдел, который отслеживает появление публикаций и РИНЦ, все учитывается. Для преподавателей это важно именно потому, что это учитывается при конкурсном отборе, при избрании на должность. Я многие годы был членом аттестационной комиссии Университета, и знаю, что вопрос о публикациях и научной активности постоянно вставал. Допустим, при переходе с должности доцента на должность профессора.

А. К. А в каком виде они учитываются? Достаточно предоставленного заверенного списка научных трудов или предоставляются распечатки из РИНЦ или из баз данных мировых рейтингов?

А. Г. Соответствующий отдел библиотеки информацию представляет, и когда идет заседание конкурсной комиссии, то на мониторе высвечиваются соответствующие показатели. Специальный отдел этим занимается. Обычно мы раз в несколько месяцев посещаем отдел информации в библиотеке. Вот, допустим, китайская публикация вышла у меня, у них такого журнала нет, они учитывают, расшифровывают и вводят в свою базу.

А. К. Это ваша личная добрая воля или ваша обязанность ходить в библиотеку и носить свои публикации?

А. Г. Мы сами заинтересованы в этом, просто они сами по себе найти некоторые издания не могут.

А. К. Конкурс проходит раз в пять лет?

А. Г. У нас могут избрать на срок от одного до пяти лет. Учитываются при этом самые разные показатели. Недавно избран на пять лет зав. кафедрой В. И. Стрельченко, у него хорошие показатели публикаций. У нас есть университетский журнал «Известия РГПУ», мы там можем публиковаться, потом Университет является одним из учредителей журнала «Научное мнение», название несколько странное, конечно, есть некоторое противоречие в определении, мы там тоже можем печататься, правда, это сопряжено с определенными финансовыми вливаниями. Он входит в ВАКовский список. Там платные публикации, но уровень достаточно высокий, издание интересное. Я член редколлегии этого журнала.

А. К. Какая стоимость примерно?

А. Г. Не могу сказать точно, но если объем в пол-листа, это может быть 8–10 тыс.

А. К. Считаете ли Вы, что количественные показатели должны быть определяющими при оценке деятельности ученого?

А. Г. Вопрос такой, что на него нельзя ответить ни да, ни нет. Число оно и есть число, хотя это и не «просто цифра», мы знаем это со времени пифагорейцев. Но для университета, мне кажется, также важны другие характеристики, может быть они не с таким успехом могут выражаться в количественных показателях, но они весьма значимы. Университетский преподаватель – это, прежде всего, высокий профессионал и, если угодно, интеллектуальное обаяние, Платон и Аристотель были преподавателями, преподавание, говорят, это не профессия, это дар Божий – вспомню вдохновляющие слова. Я знаю, что в одном из крупных Университетов Петербурга к конкурсу не были допущены очень хорошие преподаватели, умные и обаятельные, которые прививают любовь к профессии, но у которых на тот момент не было необходимых показателей. Это недавняя история, не более двух лет назад. Студенты даже такой плакат вывесили: «Вам нужны показатели, а нам нужны преподаватели». Жест студенческого вполне понятного утверждения. И я с одним из руководителей этого заведения завел разговор, он мне так и сказал: «У них нет нужных показателей». В течение двух лет должны быть определенные показатели: две ринцевские и одна WoS, допустим.

А. К. А в Вашем Университете есть такой план?

А. Г. У нас такого жесткого «плана», насколько я знаю, нет, может быть и нужно что-то подобное продумывать. Но для пользы дела, а не для непродуманных конструкций отчетности. В Университете, о котором я сказал, может быть, не знаю всех деталей и подробностей, некоторым людям, у которых не было таких публикаций, пришлось оказаться либо пониженными в должности, либо даже уйти. Кафедра, которой я заведовал более десяти лет – кафедра Истории филологии, всегда занимала в рейтинге Университета достаточно высокие места. Я всегда обращал внимание, в конце года мы отчитывались, у кого какие публикации. И сейчас считаю, что если преподаватель активно не работает в науке, он как преподаватель деградирует. С неизбежностью начинает повторять, подстраиваться под самого себя. Публикации, участие в конференциях – это чрезвычайно значимый фактор интеллектуальной и образовательной культуры университета. И в этом смысле не хочется говорить о том, что наукометрические показатели – это, в некотором смысле, дисциплинарная дрессура, это фактор, который вызывает к себе навстречу. Есть, как Вы знаете, люди, хорошо говорящие, но не очень хорошо пишущие, есть хорошо пишущие, но не обладающие большим особым обаянием в преподавании. Наверное, здесь истина не находится посередине – Гёте говорил: посередине лежит проблема. Во всяком случае, на эти вещи внимание нужно обращать. У нас есть конференция, которую мы задумали больше 20 лет тому назад, она называется «Ребёнок в современном мире». По-моему, более 50 томов публикаций вышло, это тезисы, и некоторые сборники – это статьи. Я много лет подряд вхожу в редколлегию, был главным редактором первых семи томов. Мы хотели в разговоре о ребёнке дать высказаться всем: начиная от богословов до психологов и психиатров, до представителей соответствующих институций и заведений, которые занимаются исследованием и корректировкой поведения молодежных группировок, проблемами девиантного и экстремального поведения и т.д. И видно, что у многих преподавателей единственная публикация в этом сборнике. Некоторые издания были РИНЦевские, это были уже не тезисы, а сборники статей.

А. К. Считаете ли Вы, что при определении позиции в рейтинге должна быть дифференцирована сама «стоимость» публикаций. То есть статья в WoS должна цениться выше, чем статья в ВАКовском журнале, а та – выше, чем статья в сборнике?

А. Г. Трудно сказать. Но я знаю, что издаться в Scopus'e – это, как правило, платные публикации. Обществоведам трудно печататься в зарубежных изданиях Scopus. Доктор социологических наук из Казани провел соответствующее исследование, он показал, что публикации российских ученых, которые выходят в изданиях Scopus, имеют чаще всего критический характер. Критически обращены или к русской традиции, или к русской истории, или к современному состоянию, или к лидерам нашего государства. Недавно у меня с моим коллегой, проректором Политехнического университета профессором Дмитрием Кузнецовым вышла статья, посвященная теме социальной памяти и войны. Это совместная конференция одного из крупных китайских университетов и нашего Политехнического университета, где есть гуманитарный факультет, там работает достаточно сильная группа гуманитариев. Мы здесь ничего не платили. Я не могу сейчас точно назвать китайское название журнала, но статья параллельно вышла в издании Политехнического университета, у них есть гуманитарная серия, он тоже входит в ВАКовский список. В «Вопросах философии» у меня выходила статья 3 года назад, понятно, что я ничего не платил, но у нее были некоторые преференции, потому что я делал пленарный доклад на Российском философском конгрессе в Нижнем Новгороде, пленарные доклады они, как правило, печатают в первую очередь.

А. К. В «Вопросах философии», насколько знаю, не бывает платных публикаций, как и в изданиях первой четверти WoS.

А. Г. Понимаете, когда издание ориентировано на платные публикации, бросается в глаза такая «окрошка», совершенно не стыкующиеся позиции. Может быть, в таких случаях нужно отслеживать, хотя бы на уровне областей философского знания «этика», «эстетика», «социальная философия». Институциональные вещи определять. Но когда подряд идет набор совершенно разрозненных статей, возникает ощущение необязательности самого издания. Я помню, обсуждали на одной из конференций в МГУ журнал «Логос», тогда кто-то из членов редколлегии сказал «мы будем тематические номера делать», допустим, феноменология, постструктурализм. Но, по-моему, они отказались от этой идеи.

А. К. Нет, они делают тематические номера. Два последних номера посвящены современному искусству [на март 2016 г.].

А. Г. Ну, «Логос», особое издание.

А. К. А как вы относитесь к практике двойного «слепого» рецензирования? Это есть и в журналах международных баз, и в наших ВАКовских журналах. Всегда ли оно дает возможность отобрать лучшие статьи, дать дорогу наиболее талантливым авторам?

А. Г. Фармакон – не лекарство, и не яд, но может быть и тем, и другим. Как известно, новая парадигма побеждает, когда уходят представители предшествующей, доминирующей парадигмы. Поэтому такая оценка во многом необходима.

А. К. Но должна ли она быть «слепой»?

А. Г. Конечно, в нашем сообществе люди знают друг друга. Профессионалы знают, кто есть кто. По языку даже можно узнать, по стилю. Я официальный рецензент в ряде изданий и примерно представляю авторов. И когда точно узнаю, кто писал, то в какой-то степени я вынужден это учитывать. Если бы я не знал, что это известный ученый и мой коллега, я бы, может, более критично высказался. Может, он хотел написать статью в жанре эссе, например.

А. К. Может быть, здесь дело связано не только с качеством, но и с тем, что средние требования, которые предъявляются к статье, не позволяют проходить статьям действительно талантливым, которые выбиваются из них, и статьи прорывные могут быть забракованы, потому что они не соответствуют евростандарту.

А. Г. Есть такая точка зрения, что «средняя» диссертация проходит легко, а диссертация, ориентированная на поиск, действительно проблемная, всегда вызывает много вопросов. Люди привыкают к узнаваемым вещам и стараются их поддерживать. Это не наукометрический принцип, он работает в сфере оценки литературных произведений. Русские формалисты вводили различие: «узнавание» и «видение». Вещь известная – мы ее узнаем, а видение открывает что-то совершенно новое, остроконечное представление. То есть показать мир так, как его до тебя никто не видел. Понятно, что вещи, которые открывают новые горизонты, они и вопросов больше вызывают. Например, феномен «проклятых поэтов», которые совершенно не были восприняты своим временем. Поэтому я думаю, что сам штат рецензентов и экспертов должен быть очень внимательно составлен.

А. К. Эта экспертная работа должна как-то оцениваться, оплачиваться, учитываться, или это добровольное усилие, которое мы тратим на чтение чужих текстов?

А. Г. Ну вы знаете, некоторым людям нравится просто присутствовать в качестве некоторого властного персонажа. Если немного переиначить Фуко, «кто обладает экспертным местом, тот обладает властью»! Некоторым людям это просто нравится. Но вообще я думаю, что это должно быть поставлено на продуманную узаконенную основу. Поскольку происходит рост внимания к экспертной работе в целом, я думаю, что нужно закладывать и соответствующие расходы на эту позицию. Внешний отзыв на диссертацию никак не оплачивается, работа официальных оппонентов хоть как-то оценивается, там небольшие деньги, но они существуют.

А. К. Деньги, которые никто не получает.

А. Г. Я иногда получал. А подготовить отзыв на докторскую диссертацию, это минимум 3–4 дня. Надо прочесть, надо написать, а теперь же все это еще и выкладывается в Интернет. А кроме всего прочего нужно еще и прийти, нужно заверить. Поскольку кафедры истории философии есть только на философских факультетах, то соответственно все диссертации по этой специальности идут через нашу кафедру. В 1–1,5 месяца это была одна работа. Нужно было кому-то читать, готовить обсуждение, писать отзыв.

А. К. Внешний отзыв – это главный отзыв, его оценка является решающей на защите.

А. Г. Да, я всегда думал, что если мне когда-то готовили внешний отзыв, кому-то и я напишу. Есть такая почти внутриличностная компенсация. Потом, как правило, внешний отзыв не отправляют в неизвестный университет неизвестно кому. Какая-то есть договоренность, есть сотрудничество. Когда речь идет об экспертной оценке, то это нужно учитывать.

А. К. То есть мы между собой должны продолжать жить в мире социализма, а вот те, кто платит нам деньги, они живут с нами по законам капитализма.

А. Г. Все факторы надо учитывать. В том числе личностный, человеческий. Так получилось, что я достаточно рано стал доктором наук и моя основная тематика связана с современной философией и эстетикой, докторов по ней очень немного было. Сейчас я стал меньше оппонировать, потому что вхожу в несколько советов, а членам советов оппонировать в своих советах нельзя. И есть люди, которые ни разу не оппонировали, или один раз. Но я для себя как объяснял: поскольку я работаю с такими «поисковыми» диссертациями, это позволяет мне находиться в форме. Я полагал, что при этом что-то лично получаю. Но в принципе, эти вещи все должны учитываться – публикации, оппонирование, подготовка внешнего отзыва, и т.д. В Герценовском университете – ежемесячный отчет по науке. Каждый сотрудник кафедры должен писать – появились ли публикации, что сделал или провел со студентами, куда ходил, написали или подготовили внешний отзыв, оппонировали – каждый месяц мы это готовим.

А. К. Вы сдаете его в Управление по науке?

А. Г. На факультете есть человек, который этим занимается. Помощник декана по науке.

А. К. Какая единица публикационной активности является для Вас главной – статья, ваковская статья, монография?

А. Г. Для меня важна, конечно, монография. Это результат многолетних исследований, и монография предполагает какую-то предельную концентрацию внимания к проблеме. Она посвящена одной теме. Человек должен, по меньшей мере, несколько лет провести с этой проблемой, пребывать там. Как говорят, рассказ базируется на каком-то одном действии, в повести «монтируется» несколько ситуаций, роман – это одиночество бегуна на длинную дистанцию. С монографией нужно провести несколько лет. Наверное, половина ученых, это авторы одной, много – двух, максимум – трех монографий. Монография необходима для защиты. Монографии тоже, как мы знаем, бывают разные. Есть разные серии. Нужно учитывать саму позицию издания. Допустим, в Петербурге в издательстве «Наука» есть серия «Слово о сущем», там 70–80% это переиздания классических работ, переводы, и примерно 20% актуальные исследования современных авторов, но глубинно связанные с традицией. В частности, много работ В. В. Библихина опубликовано. У меня книга выходила в этой серии. Я тогда выиграл издательский грант РГНФ. Сейчас я подготовил новую монографию. Может быть, возможен и даже необходим реестр наиболее востребованных изданий.

А. К. Необходима ли для ученого публикация на иностранных языках?

А. Г. Я совершенно не уверен, что наши англоязычные коллеги так отслеживают наши публикации. Если их интересует автор из России, а интерес всегда избирателен, то они, как правило, могут с оригинальным материалом работать. Мне хорошо известна сфера филологов – славистов, русистов. Все русисты читают на русском языке, проблемы перевода нет. Но с другой стороны, само появление издания из России на английском или немецком языке, конечно, привлекает внимание, при условии, если актуальная тема.

А. К. Слависты часто публикуют источники, а их можно публиковать только на языке оригинала, а не в переводе.

А. Г. Конечно. Мои работы переводили. Давно перевели статью «Проблема человека в философии Розанова» на английский язык. На немецком вышла моя статья о Чехове, но это материалы международной конференции о драматургии Чехова в Баден-Вейлере в 2004 году. Вышли работы на сербском языке, на китайском. В Китае перевели несколько моих работ, они посвящены славянскому структурализму: русская формальная школа, Пражский лингвистический кружок, феноменолог Роман Ингарден в Польше. Я даже спросил у китайских коллег: «Зачем вам эти позиции и фигуры? Сейчас же аналитическая традиция т.п.». Они – «Нет, нам нужен Бахтин». Китайцы очень активно осваивают русскую традицию, но совершенно избирательно. Они два раза издали Бахтина, собрание сочинений в 6 томах и в 7 томах. Есть общество исследования творчества Достоевского. Есть центр изучения Ю. М. Лотмана. Они говорят: «Бахтин – это континентальная философия, не просто в географическом смысле. Бахтин – это диалог, то, что соединяет». Около полусотни этносов в Китае, им нужна объединяющая традиция. Аналитическая традиция китайцам, наверное, не очень подходит, ну, во-первых, иероглифы, во-вторых, их не очень, видимо, устраивает «инструментальное» отношение к языку. Им нужны основания. Феноменолог Романом Ингарден подходит, потому что у него есть выходы на устойчивость – онтологию ценностей. Чешского структуралиста Яна Мукаржовского переводят, работы Ю. Н. Тынянова. Мой коллега, директор

Института теории литературы Чжао Ци Чао, издал антологию русской поэтики. Их интересуют вещи, которые соединяют, сплачивают. Поэтому, я думаю, перевели мои статьи о славянском структурализме, совсем недавно перевели статью о Яне Мукаржовском, в творчестве которого структура понята как содержательная традиция. Их интересует то, что держит и утверждает.

А. К. Вы читаете зарубежные журналы?

А. Г. Стараюсь делать это постоянно. Правда, в последнее время стал делать это гораздо меньше, чем раньше. Когда я писал первую монографию о структурализме в эстетике, приходилось много читать, потому что переводов почти не было. Мне пришлось выучить чешский язык, я в то время неплохо знал польский. Переводил работы Яна Мукаржовского, мой перевод его принципиально важной статьи о концептуальной системе чешского структурализма опубликован. А многие другие – нет, но они были для меня очень важны. Важны и теперь, тем более что сегодня можно говорить об эстетическом повороте в философии.

А. К. Читали в основном монографии?

А. Г. Монографии, конечно, но их было не так много. Больше читал статьи в журналах по эстетике и философии. «Russian Literature» в Амстердаме выходит, интересные статьи славистов, которые мне помогли. Отечественные переводчики хорошие, хотя, мне кажется, в последнее время это не всегда так. Как будто бы излишняя торопливость, иногда небрежение точностью терминов и актуальных концептов. Я просматриваю публикации в журналах. Слежу за монографиями, важны имена, позиции, важно выстраивание архитектоники. Я был в Кембридже год назад, большая конференция, посвященная России и странам Восточной Европы. Посмотрел в библиотеках современную литературу преимущественно по эстетике, философии культуры. Чем занимаются? Примерно тем же, что у нас в переводах: Рансьер, Агамбен, Анкерсмит, они ключевые фигуры. Я помню, когда Деррида в первый раз приезжал и выступал в Институте философии и в МГУ, тогда почти ничего не было переведено. Конечно, работа с иностранными источниками в оригинале, кроме всего прочего, дает возможность быть внимательным и самостоятельным. Ведь когда работаем с переводами, попадаем в пространство, которое кто-то определил, то есть поставил свои пределы. А когда я читаю работы, что сам выбрал, то открываю для себя многое. Когда сам переведешь, то всегда кажется, что это точнее. Во всяком случае, всегда может что-то порадовать. Архивные даймоны, хранители места, обязательно чем-нибудь наградят. Я работал в архиве В. Я. Проппа, там были его неопубликованные тогда работы. Ведь существует и до сегодняшних дней взгляд, согласно которому Пропп – не очень совершенный предшественник Леви-Стросса. И вдруг в дневнике Пропп записывает: «Я несомненно сильнее этого хваленного француза Леви-Стросса. Только вот такой литературы у меня такой нет...». Почему Владимир Яковлевич так пишет? Кстати, он ведь писал на немецком языке стихи, повесть у него есть, посвященная рано ушедшему из жизни его брату. Он так примерно отметил: «Для меня сказка является строго последовательной, функции сказки нельзя менять местами...». А у Леви-Стросса – «земля мифа кругла». Начинать можно с оппозиции «сырое-вареное» или «люди берега – люди реки», все равно потом развернется последовательность оппозиций. А функции сказки нельзя менять местами, они устойчивы как времена года. Для Проппа важен Владимир Соловьев, немецкая философская традиция. Морфология сказки – онтологична, а концепция мифа – операциональна. Работа с архивом награждает, и оригинальные источники многое дают.

А. К. Это в петербургском архиве?

А. Г. Да, в Пушкинском доме. А в Москве я был в архиве Сигизмунда Кржижановского в РГАЛИ, смотрел его записи и подготовленные к публикации, но так и не вышедшие при его жизни произведения. Кстати, всегда интересно смотреть, кто перед тобой брал рукописи. И обратил внимание, что в последние годы писатель уже почти не работал. Закончилась энергия творчества? Он включился как бы во внешнюю ремесленность – создание слов для гимна, у него записи на обратной стороне телеграфных бланков, так он в последние годы жил. А теперь вышел шеститомник произведений Кржижановского под редакцией Вадима Перельмутера. Он совсем недавно представлял отдельное издание «Штемпель: Москва», в музее Ахматовой была презентация. Мы с ним хорошо встретились, он говорил, что лучше всех понимал Кржижановского В. Н. Топоров. И хорошие слова сказал о моих работах, посвященных Сигизмунду Кржижановскому. Писатель-интеллектуал говорил о себе «Жизнь в расщепе пера». В моей книге «Эстезис и Логос», она

вышла в американском издательстве «Edwin Mellen Press» есть большой раздел о творчестве Кржижановского. Удивительно глубоки его эстетические представления о воображаемом – фантомы в мире как бы уже изживают судьбу симулякров. Кстати, в американском издательстве тогда обнадежили... – это к вопросу о наукометрии, что будет выплачен процент с продажи. Но контакты с тех пор не продлились, не знаю, как складывалась ситуация.

А. К. Каковы были условия публикации? Какой тираж?

А. Г. Был такой конкурс: 50 лучших гуманитарных книг из России. Я в нем принимал участие. Из издательства прислали пять экземпляров. У меня осталось два. Один надо отдать в Библиотеку Академии наук, чтобы он сохранился. Книга «Письмо и событие» вышла позже, в какой-то степени оно повторяет американское издание.

А. К. Вы участвуете в каких-то международных проектах? Конференции, гранты?

А. Г. Я принимал участие во многих международных конференциях. Отдельные лекции читал в университетах Будапешта, Сегеда, Сеула, Пекина. В качестве визит-профессора был в 2013 г. в Университете имени Аль-Фараби, это Казахстанский национальный университет в Алматы. Читал лекции в Сибирском федеральном университете в качестве приглашенного профессора. Это программа академического обмена. Я был с курсами лекций в Воронеже, Вологде, Волгограде. Мне интересно, факультеты и люди разные. Что касается международных грантов, то долгосрочных не было. Я принимал участие в Сеуле в конференции по евразийству, для них этот ход, связанный с нынешним геополитическим пониманием евразийства. А я обратил внимание на теорию евразийского жизненного мира, точнее, ландшафта – от Китая до Польши, это родство языков. Есть хорошая книга «Структура и целостность» П. Сериио. И такой разговор оказался важен: идеологическая конструкция, связанная с перспективами сотрудничества, получала фундаментальные основания языкового родства. Я участвовал в научных конференциях в Германии, Сербии, Финляндии, во Франции, в Италии. Очень хорошее у нас сотрудничество с Петаром Бояничем, директором Института философии и социальных исследований из Сербии, он у нас осенью прошлого года делал пленарный доклад на научно-культурном форуме «Дни философии в Санкт-Петербурге». Сейчас в июне он пригласил меня с основным докладом на конференцию, посвященную философии события.

А. К. Как бы Вы сравнили уровень исследований у нас и за рубежом, прежде всего в Вашей сфере, в эстетике? Вы говорили о Проппе, можно не стесняясь сказать, что для мирового гуманитарного сообщества – это фигура № 1. Сегодня у нас есть какие-то приоритеты?

А. Г. Я бы не стал ставить разговор в позицию «причина-следствие». Мне кажется, что ставшие почти классическими дифференции, такие как «славянофилы-западники», конечно, еще работают, но наполнение уже во многом другое. И Вейдле писал, и Зеньковский, что все яды Запада уже вошли в нас, а Европа, согласно Розанову, испытала – и продолжает испытывать – «нашепывающее влияние русских». Сегодня содержательно происходит уже во многом другое. Надо только отметить, что Пропп – это не «нестрогий» предшественник французского структурализма, у него другой ход. Если там подход, так скажем, операционально-инструменталистский, то в морфологии сказки или фольклора – типологический и онтолого-событийный. Для Проппа сказка (он работал не только со сказкой, но и с культурой Севера) – не просто предписание, созданное конструктивистским путем, а предписание, если угодно, органическое, особенная телеология. Другое дело, что когда мы идем от сказки к природе, то природу начинаем понимать. Из природы сказку вывести нельзя, сказка – это умная конструкция. А что касается предшественников, приоритетов в эстетике, здесь ситуация яснее. Лет 20–25 назад произошла резкая смена курса, связанная не только с политической обстановкой, но и со многими другими вещами. Мы в ряде случаев отказались от сильных позиций, которые у нас были. В частности, стремление к системному пониманию философской эстетики. Может показаться странным, но в мае прошлого года в Хельсинки финские коллеги провели конференцию, посвященную творчеству Моисея Самойловича Кагана, известного ленинградского эстетика. Я заканчивал университет по кафедре эстетики, никогда не был его прямым учеником, но всегда испытывал чувство благодарности к нему. Теперь кафедр эстетики в стране почти не осталось, у нас в Герценовском университете она сохранилась в единстве с этикой. И правильно, иначе как готовить педагогов без курсов этики и эстетики? В Институте философии СПбГУ скоро будет заседание семинара «Актуальная эстетика» с такими основными докладами «Смерть эстетики?» и «Эстетике жить!». Вспоминаю высказывание Сигизмунда Кржижановского «Что

такое вопросительный знак? Это состарившийся восклицательный». Во всяком случае, это замечание помогает актуализировать проблему. Кржижановский, можно еще раз его вспомнить, стал работать не с текстом, а с текстурой. Это, кстати, как бы некоторое предшествование того, чем потом стали заниматься представители «нового романа» во Франции. И вот финны проводят конференцию, посвященную советской эстетике. Я, к сожалению, не мог поехать, но мой доклад там был представлен. Интерес к фундаментальным позициям в эстетике растет, мне кажется, именно вот эту линию нужно держать. Переходить от эстетики просветительской, дисциплинарной, к эстетике события. Думать также о значимости виртуальных конструкций, о воображаемом, без которого нет актуального. Активно идти к пониманию того, что эстетизм – совершенно особенное знание, исходный опыт первоименования, предельный опыт бытия в мире. Когда я писал книгу «Письмо и событие», меня интересовало отношение между авангардным эстетическим опытом – кубофутуризм, чешский сюрреализм, польский формизм, «новый роман» – и актуальной философской рефлексией. Это очень важная тема языка, дискурса и письма. Сознание культуры выстраивается на игре двух сил, которые друг к другу направлены. И я говорил лет 20 назад, что нужно по-другому эстетику выстраивать. То, что делает, в частности, Жак Рансьер во Франции. Работы Шпета, Розанова, Флоренского нужно эстетически прочесть – в контексте актуальных стратегий чтения. Мир ведь в большой степени разволшебствован, потерял обаяние. Через что можно вернуться к этическому, к антропологическому? – через эстетическое («Мы с тобой разделяем твою боль, твою радость, твою печаль»).

А. К. То есть сегодня понятие «коллективной чувственности», о котором писал еще Сергей Трубецкой, возвращается?

А. Г. Тут ход к коллективной чувственности, ход к соборности – «ты среди всех». И Бахтин актуален – нужно постоянно предполагать и понимать тот фон, который он постоянно имеет в виду, понять значимость этого фона для себя. Сегодня разговоры в большей степени о виртуальной эстетике, о дигитальных практиках, что тоже, конечно, важно. Но бесконечные, как может казаться, разговоры на тему «искусство после эстетики», «эстетика без искусства» уже мало что дают и заканчиваются. Это не самое главное, хотя востребованное. В эстетике речь о чувственности, но правильно и ответственно поименованной. Не такая чувственность, которая на Майдане плеснула. Именно эстетический взгляд дает возможность понимания многих вещей, которые сегодня происходят. Без обращения к чувственности не будет возможности представить Другого. Мне кажется, то, что сегодня стали делать в неэстетических контекстах, на самом деле особая актуальная эстетика. Например, исследования философов о Гоголе, о Достоевском, об А. М. Ремизове, об Андрее Платонове, о Сигизмунде Кржижановском, о Розанове, о Борисе Пильняке, написавшем первый роман о революции, в котором представлены темы телесности, преодоления одиночества, утраты веры, страстного желания веру обрести – показаны представлением нового письма. Анкерсмит в работе «Эстетическая политика» говорит о том, каким образом сегодня эстетическое работает с политическим: политическое предписывает нормативность, жесткость институционального и группового поведения, а эстетическое дает возможность свободно-творческого варьирования в работе с реальностью. В статье «Эстетическое и политическое: *Toros homo esteticus*», она опубликована в журнале «Вопросы философии» я пытался темы эстетической рефлексии и опыта актуализировать. На философском конгрессе в Нижнем Новгороде мой пленарный доклад был предпоследним, академик А. А. Гусейнов вел заседание, аудитория была большая, человек 500. И я почувствовал, что тема, связанная с этическим и эстетическим, слушателей затронула. И онтологи, и гносеологи, и социальные философы могут со своим материалом эстетически работать. И мне об этом потом многие говорили. А если обратиться к сложнейшей социальной реальности, то там действуют как раз неконтролируемые потоки чувственности, связанные с перемещением мигрантов, распадом стран, военными действиями. Этим процессам весьма трудно что-то императивно предписать, почти нельзя запретить, тем более, что активно проявлен посттравматический синдром. Здесь чувственность сдвигается со своих бытийных мест. Розанов в работе «О понимании» уже об этом думает. Понимание соединяет в себе и ум, и переживание. Пролетариат, у которого чувства придавлены, замечает Розанов, будет долго терпеть? Или другая, пусть даже маргинальная социальная общность? Рано или поздно все начинают требовать себе «место под солнцем» либерального мироустройства. Чувственность

рано или поздно будет стремиться занимать места, находить стратегии утверждения, прорываться к доминированию. А нужно, чтобы она занимала свое место – свой топос. Главное – быть уместным и правильно расположенным и в мире, и в сфере рефлексии.

А. К. Как меняется статус ученого? Вы работали в советское время, в 90-е годы никуда не уходили из науки, сейчас...

А. Г. Понимаете, статус изменился не в каких-то количественных характеристиках, хотя, конечно, интенсивность университетской жизни увеличилась на порядок. Раньше в год было две-три конференции, сейчас десятки мероприятий, десятки сборников, участвовать нужно и важно, ну и конечно, возможности контактов выросли. Но я бы сказал при всем этом о необходимости утверждения ответственности философа, о свободе, не в смысле того, что можно, а что нельзя говорить, а в том смысле, что нужно стремиться утверждать мысль и существование в мире, который нас окружает. В советское время нагрузка у гуманитария на кафедре философии была 550 часов. И считалось, что сотрудники таких кафедр – философии, истории КПСС – добирают за счет того, что активно участвуют в выстраивании идеологической «картины мира». И были жесткие требования – если программа, то нужно все моменты темы представить. Я читал в институтах курсы философии и эстетики, находился в более свободном положении. Один раз, помню, шел по улице, останавливается рядом машина, человек довольно угрожающего вида, так мне тогда показалось, подходит ко мне: «Садитесь, я Вас подвезу. – А кто Вы? – Я Ваш бывший студент». Он закончил Институт торговли имени Фридриха Энгельса, его еще называли «институт несоветской торговли со спортивным уклоном», спортсмены многие учились. «Знаете, такая тоска была... бухучет. А Вы преподавали эстетику! Я запомнил... поэма «Черный человек». Вы читали нам Есенина!». Я преподавал курс эстетики, а он бывший «афганец». У меня были возможности для варьирования в лекциях, потом посвоему, так сказать, темпераменту я был к этому открыт. Сегодня таких возможностей гораздо больше. Но многие люди не могут выйти за рамки того, что они уже когда-то сделали. Во-первых, сказывается инерция, многолетняя привычка. Если человек читает семестровый базовый курс из года в год на факультете химии, ну что туда, кажется, еще можно добавить? Если он сам при этом не растет, чтобы можно было актуальные акценты роста темы расставить, то ничего не произойдет. Ответственность неизмеримо выросла, более того, студенты стали другие. То, что раньше воспринималось как откровение – «Так говорил Заратустра», это «тайна и ноумен!» Теперь изменилось отношение. А поскольку все доступно и нет тайн, то люди тоже стали другими. И мне кажется, что преподавателю нужно это обязательно учитывать.

А. К. Чем Вы теперь взрываете мозг?

А. Г. «Взрывать мозг»? – слишком сильно сказано. Я читаю курс «Основные проблемы современной философии», от Шопенгауэра до Делёза, Деррида, Агамбена. И другие курсы: «Проблема бытия в современной философии», «Эстетика творчества». И обратил внимание, как изменилась философская молодежь. Вдруг увлечение классическими сюжетами – Гегель, я даже вначале решил, что это просто знак обаяния преподавателя, который этими темами занимается. Это тоже, конечно, срабатывает. Харизма философа ведь очень редкая, но сильно действующая. И мне иногда кажется, что тяга «к Гегелю» – знак того, что молодые люди в какой-то степени испуганы, обескуражены происходящим. Это как бы некая спекулятивность без места, не значит ни в коей мере, конечно, что вовсе неуместная. Я даже говорил некоторым: «Вы боитесь жить в современном мире. Нужно к чему-то, к кому-то прильнуть? У Гегеля все есть!» Но, как известно, в Гегеля войти трудно, а выйти оттуда невозможно». Нужно жить не по Гегелю, а вместе с Гегелем в свое время. И вот у тех, кто туда уходит, я понимаю, даже чувствую, идет активное неприятие позиций плюрализма. Точнее того, что они под этим понимают. Они, как мне кажется, растеряны и пытаются найти хоть что-то устойчивое, одна часть уходит в отправление СМС, в электронный аутизм, а другая – более продвинутая и более умная, пытается найти некоторые основания в том, что уже сделано. Но свое место нужно найти и хранить собственным усилием. Мысль, как известно, имеет свою окрестность. Поэтому перед современным преподавателем огромная ответственность создать чувство и умение работать с настоящими реалиями. Не в смысле отказа от традиции: тему тела – corpus – не сейчас же изобрели. Тело – ближайшее к мысли, но оно не всегда подчиняется мысли. Сталкиваясь с телом мысль, вынуждена корректировать самое себя. «Дано мне тело, что мне делать с ним, таким единым и таким моим!» – так у Мандельштама. А у Розанова пол не есть

вовсе тело, оно только клубится около любовного. Вот в чем проблемы, давайте будем внимательны. И надо поддерживать и хранить умение быть внимательными.

А. К. Вправе ли общество требовать что-то от гуманитариев? Гуманитарии должны каким-то образом повернуться к обществу? Решать какие-то проблемы: идти во власть, быть ее советчиком или оппонентом, быть общественным контролером или экспертом.

А. Г. Я думаю, что общество вправе требовать. Оно нуждается в понимании и защите. Конечно, требования могут выражаться и в совершенно негативном отношении. И в целом... надо помнить слова Шопенгауэра: Мир – это единственная проблема философии. Конечно, мир не в противопоставлении жизни. Надо повернуться к миру. Философия в России – это, как правило, академическая философия. Люди включены в определенные процедуры – лекции, сессии, экзамены, и т.д. Когда я собирался к Вам, то подошел к своим коллегам и спросил: «что вы хотели бы, чтоб я сказал». И все пожелали практически одного: избавьте нас от бумаг. Мы просто замучены этими идолами. Начиная от того, как сложно оформить соответствующую статью, кончая ежемесячным отчетом. Зачем это? Разве наука делается ежемесячно? Стандарты с компетенциями, никто почти не понимает, зачем они нужны. Это как бы необходимое зло, я думаю, что ученые должны против этого выступать, не все принимать. Мне кажется, что университетская публика должна как-то более активно себя представлять, хотя есть примеры сопротивления. У нас есть журналист, который активно работает с сообществом философов, так вот на форуме «Дни философии в Санкт-Петербурге» он стоял на выходе из зала и задавал один и тот же вопрос: «Могут ли философы предотвратить войну?» Войну предотвратить они, наверное, не могут. Но как говорил один поэт: «Если бы я был настоящим поэтом, я сделал бы так, чтобы не было войны». Настоящий философ тот, кто способен предугадать характер будущее войны. Замысел должен быть, создать некоторую конструкцию преодоления вражды, вот что необходимо. Преодолеть то, что людей разделяет и разрывает. Ведь сегодня действуют негативные стратегии сборки – террор, проблемы экологии и экософии, посттравматический синдром. Я делал доклад на большой конференции в Китае по проблемам экософии, там это почти неизвестно в теории, хотя есть огромная народная мудрость сохранения жизни. Там почти неизвестно, что в России происходило и происходит, неизвестен Вернадский, малоизвестны идеи русского космизма. Общество вправе требовать от философов правильно спрашивать и ответственно отвечать.

А. К. А гуманитарии вправе требовать от общества, от государства изменения финансовой поддержки?

А. Г. Конечно, вправе требовать. Но видите ситуация какая. Несмотря на то, что количество выпускников аспирантуры сократилось, ведь все-таки работу выпускнику философского факультета или аспирантуры по специальности почти не найти. Раньше, когда заканчивали аспиранты, всегда было 2–3 места, не самые ведущие вузы, может быть, частные, но я звонил и говорил: «Возьмите, вот хороший профессионал и хороший человек!». Сейчас этого нет, работы не найти. Если бы была нехватка, можно было бы диктовать условия существования более жестко.

А. К. Как вы относитесь к перспективе брать на работу гуманитария в строгом соответствии с профилем его диплома? Религиовед или историк уже не сможет преподавать философию в вузе.

А. Г. Наши выпускники факультета философии человека, знаю несколько случаев, преподают в школах историю или обществоведение. Преподают культурологию, реже – социологию. Читают курсы по менеджменту, теории рекламы – куда от них деться в современном вузе? Когда-то декан философского факультета СПбГУ Ю. Н. Солонин сказал: «Никто не видел безработных философов». Т.е. все как-то устраиваются. Но я думаю, что в большинстве своем университетские философы или не очень хотят, или не могут выходить на такой уровень публичности, где их позиции были бы замечены. Выступление в периодике, например, это же редкий случай. Мы по пальцам пересчитаем людей, которые способны с этим работать. Бомбардировка Сербии – западные интеллектуалы откликнулись, кто так, кто этак, но это событие мысли. Я обратил внимание, что для студентов и аспирантов присутствие философов в масс-медиа очень важно. У нас такие Александр Секацкий, Константин Пигров, Лев Летягин, Марина Михайлова, но это очень немногие из философского сообщества. Я на «Радио России» веду передачу «Литературная клиника», уже, наверное, лет 8. Вместе с Дмитрием Ивановичем Кузнецовым и Еленой Майзель записали за это время около 60 передач. Приглашенные гости предстают в качестве экспертов и диагностов. Я хотел, чтоб звучал голос писателей и философов.

А. К. У вас есть еще радиостанция «Град Петров».

А. Г. Да, Марина Михайлова ведет передачи. Причем – там прямой эфир. Это христианская радиостанция «Град Петров». Для философов интересное поле деятельности: ведущая брала некоторые библейские темы, например, «сад», «боль», «крик», мы с этим материалом работали. И философов, которые могут участвовать в открытых публичных мероприятиях, надо готовить. Ведь философия – это утверждение мысли и существования.

А. К. Алексей Алексеевич, спасибо большое!